

— Ты...! — Князь Фу сжал кулаки, готовый броситься вперёд и вступить в спор.

— Седьмой брат, — перебил его Ли Чжао, не дав младшему вымолвить и слова. — Одиннадцатый брат прямодушен от природы. А вот ты, братец, похоже, слишком уж охотно лезешь в чужие мысли и находишь время домыслами заниматься. Может, лучше угадай-ка, не натворил ли чего снова молодой господин Чжао?

Род Чжао был материнским родом Цзиньского князя, а этот самый «молодой господин» — его воспитанник и спутник юности, недавно угодивший в крупную неприятность.

Князь Фу взглянул на растерянного седьмого брата и наконец почувствовал облегчение. Он даже презрительно сморщил нос вслед удалявшейся фигуре Цзиньского князя.

«Поэтому тревожное секретное письмо полководца, долетев до императорского трона, скорее всего, получит лишь лаконичную резолюцию от самого Императора-Основателя: „Понято. На границе всё решают военные заслуги. Относитесь ко всем одинаково, назначайте по заслугам“. Возможно, добавит ещё что-нибудь вроде: „Мой глупенький братец всё-таки неплохо дерётся“.

Получив такой ответ, полководец наконец перевёл дух. Раз сам государь так сказал — какие могут быть сомнения? Назначай без страха!

После нескольких сражений командующий окончательно понял: перед ним вовсе не изнеженный принц, рождённый в шёлках, а настоящий воин, созданный самой судьбой для поля боя.

С тех пор в северной армии больше не было „князя Фу“ — был только Ли, младший офицер, а затем и генерал Ли, чей авторитет основывался исключительно на мечах и стрелах. Обе стороны остались довольны.

Годы мчались сквозь дым сражений. Последующие несколько лет стали временем стремительного взлёта имени Ли Шиъи в списках боевых заслуг.

По мере продвижения на север князь Фу, благодаря своим подвигам, быстро продвигался по службе и уже мог самостоятельно командовать несколькими тысячами элитных войск.

Его тактика становилась всё яснее: он смело отделялся от главных сил, совершал дальние обходные манёвры и целенаправленно бил по самым уязвимым точкам врага — по путям снабжения, командным узлам и другим жизненно важным центрам. Он был как острый клинок, который вонзался в бок врага в самый неожиданный момент.

Самым дерзким и легендарным стал бой, произошедший уже после того, как он начал действовать самостоятельно. Тщательно разведав обстановку, он точно определил, что элитный отряд дицзюньцев тайно отдыхает в уединённой долине, планируя нанести внезапный удар по

флангу нашей армии.

Момент был мимолётен. Он немедленно приказал войскам взять десятидневный запас сухпайков и, преодолевая метели и вьюги, совершил почти тысячу ли обходного марш-броска. Как точный гепард, он обрушился на спящих врагов в предрассветных сумерках.

Внезапно вспыхнули костры, загремели боевые кличи, и знамя Золотого Волка — символ славы двора дицзюнейцев — было захвачено. Эта победа не только нанесла тяжелейший урон их элите, но и подорвала боевой дух всей армии противника. Именно тогда по степям поползло имя „Ли Яньван“ — „Ли, Повелитель Преисподней“.

Позже дошло до того, что стоило разведчикам лишь крикнуть: „Подразделение Ли Яньвана приближается!“ — как солдаты врага бросали доспехи и оружие и обращались в бегство.

— Ли Яньван? — глаза князя Фу тут же заблестели. Он с наслаждением повторил эти три иероглифа, и на лице его расцвела гордость. — Вот это имя! Чтоб враг дрожал ещё до начала боя! Вот это подлинная слава великого полководца!

На тех самых пограничных землях, страдавших годами от набегов дицзюнейских всадников, народ с восторгом передавал друг другу:

— Этим северным дикарям нужен именно Яньван, чтобы их проучить!

— Молодец! Пусть теперь не смеют соваться на юг!

— Если такие генералы стоят на страже — хоть спи спокойно по ночам!

«В решающем сражении он удерживал левый фланг на высотах, получив множество ран, но не отступил ни на шаг, выдержав самый яростный натиск врага и выиграв тем самым драгоценное время для окружения. Двор дицзюнейцев бежал вглубь степей, и с этого момента судьба северной угрозы была решена.

Пять лет кровавых походов — от никому не известного Ли Шиъи до грозного генерала, покорившего Север. Так князь Фу стал непоколебимой стеной на северных рубежах».

Старческая рука будто бы коснулась карты — той самой, где обширные северные земли уже были включены в состав империи. Седой старик с шрамами былых сражений на лице смотрел на небесный экран и вдруг почувствовал, как слёзы навернулись на глаза.

— Неужели... весь Север действительно отвоевали? Всё вошло в наши владения?

Он словно говорил с кем-то в пустоте:

— Старина... ты видишь? То место, которое мы когда-то не смогли удержать... Его вернули за нас...

— Меч мой ещё не заржавел... Может, пора отпустить свою привязанность к прежней династии? Как думаешь, старина?

Лёгкий ветерок пронёсся мимо — будто ответ на его слова.

«В день триумфального возвращения последовало награждение. В величественном золотом зале Император-Основатель лично сошёл с трона, снял с князя Фу потрёпанную деревянную бирку с именем „Ли Шиъи“, пропитанную ветрами, кровью и пылью сражений, и возложил на него золотую печать генерала, покорившего Север, — символ высочайшей чести и великой ответственности.

— Одиннадцатый, ты хорошо потрудился. Добро пожаловать домой.

Князь Фу склонил

<http://bllate.org/book/17167/1607970>